

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск—Гёттинген)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ МЕДВЕДЯ / ДРАКОНА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Удм. *gondj̄r* 'медведь', комиЗ *gundj̄r* 'дракон, змей, многоголовое чудовище, гидра, злой дух — сын Йомы', печ. *gundj̄r'li*, вв. *gundj̄rli*, л., вс. *gundj̄l'* то же; вым. *gundir ćeri* 'маленькая рыбка с широкой головой и острым хвостом, суевенные люди боятся ее и считают поганой' (*ćeri* 'рыба') (КЭСК 83; ССКЗД 93; Лыткин 1955 : 98).

Помимо вымского слова все значения комиЗ *gundj̄r*, обычно приводимые в словарях и этимологических исследованиях (напр., Fokos-Fuchs I 273; Wichmann, Uotila 1942 : 63; Rédei 1971 : 423; Плосков 1992), полностью укладываются в круг эпитетов, применяемых для Змея-Горыныча в русских сказках (*змея, лютый зверь, чудо-юдо, чудуище* и т. д.). Связь коми Гундыра с Йомой (коми *joma* 'мифологический персонаж, лесная хозяйка, ведьма' примерно соответствует русской Бабе-Яге) в коми фольклоре — также скорее всего результат адаптации русской сказки о борьбе богатыря со Змеем-Горынычем и его матерью / женой (о Йоме как жене Гундыра см. Плесовский 1992). Таким образом, комиЗ *gundj̄r* изначально 'мифологический персонаж, соответствующий русскому Змею-Горынычу, дракон'. Печ. *gundj̄r'li*, вв. *gundj̄rli* означают, согласно словарю Д. Фокоша-Фукса, не 'дракон', а 'похожий на черта, водяного духа, трех-, шести- или девятиголовый человек': *vasa, ćert mojdin šuvenj̄ gundj̄r'li* 'водяного, черта в сказках называют *gundj̄r'li*' (Fokos-Fuchs I 273). Ср. также вв. *gundj̄r'li* 'вид птицы' (Сорвачева 1966 : 142). Таким образом, слова с суффиксом *-li* означают в коми диалектах 'подобный дракону', следовательно, прав К. Редей, который выделял в этих словах такой суффикс и рассматривал вс., л. *gundj̄l'* как результат контаминации форм *gundj̄r* и *gundj̄r'li* (Rédei 1971 : 423).

Сама же основа слова — удм. *gondj̄r*, комиЗ *gundj̄r* — должна рассматриваться как двусоставная прежде всего потому, что сохранение старого (доили прапермского) стечения согласных типа **-nt-/*-nd-* в пермских языках едва ли возможно: доперм. **nt > *d* (см., однако, ниже об одном исключении из этого правила). По этой же причине нельзя признать правомерным предлагаемое в КЭСК (с. 83) сопоставление пермских слов с прибалтийско-финскими (фин. *kontio*, вепс. *końdi* и др. 'медведь' от глагольной основы фин. *kontia* 'ползать, тащиться, переваливаться'): в случае общего финно-пермского происхождения этих слов следовало бы ожидать перм. **god-/*gud-*, и прежде всего в виде глагольной основы со значением, близким к значению фин. *kontia*. Поскольку, однако, пермские слова содержат *-nd-* и искомого глагола в

пермских языках нет, предположение о финно-пермской древности этого слова отпадает.

Авторы КЭСК, впрочем, предполагали заимствование в коми из прибалтийско-финских языков. Такая версия весьма маловероятна: как будто нет прибалтийско-финских заимствований, проникших не только во все коми диалекты, но и ставших общеудмуртскими (за исключением коми *го́с*, удм. *зúс* 'русский' < пбф. **rōtsi* 'швед' < др.-швед. **rōθs(-mann)* 'гребец, дружинник-викинг', но распространение этого этникона имело особые исторические причины, обусловившие его уникальность¹). Кроме того, в этом случае остаются необъясненными странная суффиксация на *-j̄r* в пермских языках, озвончение начального согласного, переход пбф. *o* > коми *u*, развитие значения в коми языке.

По-видимому, общеперм. **gundzr*/**gondzr* нужно делить — **gVn-dzr*, причем первую часть этого слова следует, вслед за К. Редеи, связывать с перм. **gōn* 'шерсть, волосы на теле' (< иран. **gun* то же) (Rédei 1971 : 422; 1986 : 69). Собственно, данное слово именно так делают сами носители языка — ср., например, удмуртскую песню с игрой слов:

aj d̄jrgon, da baj d̄jrgon,
p̄ipu j̄l̄j̄n gond̄j̄r vañ

'Ай дыргон, да бай дыргон,
На верхушке осины — медведь'

Трудно, однако, согласиться с К. Редеи, реконструирующим для удм. *gond̄j̄r* праформу **gon-t̄j̄r*, где **t̄j̄r* = удм. *t̄j̄r* 'весь, полностью', отсюда **gon-t̄j̄r* букв. 'весь покрытый шерстью' (Rédei 1971 : 422). Такая гипотеза предполагает, во-первых, сохранение п р а п е р м с к о г о слова без перехода **-nt-* > **-d-*, что, кажется, не имеет аналогов, во-вторых, странное озвончение **t* > **d* с деэтимологизацией вполне прозрачного по значению **gon-t̄j̄r* (при осмыслении первого компонента как удм. *gon*), а в-третьих, наконец, появление огласовки на *-u-* и странного развития семантики в коми языке. Ссылка на «табуацию» слов в данном случае ничего не проясняет: едва ли *u* в коми языке является более табуированным звуком, чем *o* (как у Rédei 1971 : 423)!

Учет значения коми слов не позволяет однозначно реконструировать значение перм. **gun-dzr*/**gon-dzr* как 'медведь' с переходом семантики в 'дракон и т.д.': следует, по крайней мере, предположить возможность обратного развития 'дракон, чудище' > 'медведь', кажущуюся более естественной с точки зрения гипотезы «словесной табуации», значение которой подчеркивает К. Редеи, говоря о невозможности реконструировать древние (хотя бы общепермские) названия для волка и медведя (Rédei 1971 : 421—423).² Однако нельзя упускать из виду, что помимо описательных терминов (типа венг. *farakas* 'волк', букв. 'хвостатый') в таких случаях могут использоваться и заимствования (типа венг. *medve* 'медведь' < слав.).³ Безусловная связь первого названия медведя-дракона с иран. **gun* 'шерсть' наводит на мысль о возможности иранского происхождения всего слова.

Ср. осет. ир. *kāfq̄yndar* 'дракон, чудовище (фольк.)' < *kāf-q̄ym-dar* букв. 'рыба шерстью покрытая', где **kāf* = осет. *kāf* 'рыба', **q̄ym* = осет. ир. *q̄ym*, диг. *gun* 'волос, шерсть' < иран. **gun* (Абаев I 576; II 326—327), а **dar*, видимо, связано с осет. ир. *daryn*, диг. *darun* 'держат, поддерживать, содержать (скот), носить одежду' (< иран. **dar-* 'иметь, держать') (Абаев I 345—347). Возможность существования древнеосетинской усеченной формы типа **gun-dar* 'дракон', букв. 'покрытый (одетый) шерстью', вполне допустима; впрочем, связь данного фольклорного образа с рыбой находит, может быть, отражение в коми вым. *gundir čeri* (см. выше).

Древнеосетинское (среднеиранское) слово **gun-dar* 'дракон' было, по-видимому, заимствовано в пермские диалекты в позднепрапермскую эпоху, когда в пермском праязыке уже существовали звонкие смычные, в силу чего, во-первых, в пермских языках сохранился **g-*. Во-вторых, сочетание **-nd-* уже отличалось от **-nt-* и не попадало под деназализацию: имеется по крайней мере еще один пример, иллюстрирующий данное развитие (ср.-иран. **-nd-* > перм. *-nd-*) — удм. *andan* 'сталь' (коми *jemdon* то же видоизменилось вследствие народной этимологизации — переразложения на коми *jem* 'игла' и *don* 'цена') < ср.-иран.: осет. *ändon* 'сталь' (Rédei 1986 : 65). Не вызывает сложностей и вокализм: переход **a* второго слога в перм. *i* объясним как общей редукцией непервых слогов в прапермском, так и возможным безударным положением этого гласного в языке-источнике; появление нетривиального *o* на месте старого **u* в первом слоге в удмуртском может быть объяснено, во-первых, как результат «пермского умлаута» — чередование **ö/*ü* (?**o*/**u*) в явно однокоренных словах (см. Напольских 1995 : 171), во-вторых, опять-таки народной этимологизацией, правильным осмыслением первой части слова **gun-dar* как соответствующей удм. *gon* 'пух, шерсть, волосы' (< перм. **gón* < иран. **gun*).

Развитие семантики в удмуртском языке по линии 'дракон' > 'чудище' > 'медведь' вполне естественно. Впрочем, такой переход значения мог иметь место уже в достаточно отдаленные времена и охватить даже часть докоми диалектов — ср. комиП нердв. *gundjřćaća/gundgrćaća* 'подснежник' (*ćaća* 'цветок'). Подобная семантика ('медвежий цветок' = 'подснежник') вполне понятна: подснежник расцветает, когда медведь покидает берлогу. В коми, удмуртском, русском и других языках имеется множество названий растений с прилагательным 'медвежий' (см., напр., СРНГ 18 : 67—68), однако прямую семантическую параллель мне удалось найти лишь в эрзянском языке: *ovtoñ bajaga* 'подснежник', букв. 'медвежий колокольчик' (ЭРВ 430).

Памятники пермского звериного стиля раннего средневековья дают в изобилии изображения драконоподобных существ (Плесовский 1992), что указывает на наличие такого персонажа в мифологии носителей пермского праязыка на его поздней стадии. Пермский звериный стиль безусловно является ответвлением звериного стиля в искусстве ираноязычных степных племен Евразии, из языка которых и попало в пермские рассматриваемое здесь слово с исконным значением 'дракон'. Древность образа дракона в пермской традиции, таким образом, не подлежит сомнению — и едва ли стоит всерьез воспринимать и разбирать здесь досужие рассуждения о самостоятельном сложении этого образа в фольклоре коми на базе «тотема-медведя» (?!), «принявшего обобщенно-синтезированный (sic! — В. Н.) образ медведя-ящера-птице-рыбы» (Плесовский 1992 : 14). Хорошо известно, что образ дракона, присутствующий в фольклоре многих народов Евразии, в большинстве случаев является результатом заимствования, равно как и названия этого персонажа. Образ и имя дракона в коми традиции также появились в результате заимствования среднеиранского (древнеосетинского) термина и, вероятно, образа, адаптации его в пермской религиозно-мифологической системе (частный результат этой адаптации — появление значения 'медведь' у дериватов рассматриваемого корня в удмуртском и коми-пермяцком (?) языках) — и позднейшего мощного русского влияния на сказочный фольклор коми.

Итак:

ср.-иран.

**gun-dar*

'дракон'

(букв. 'покрытый шерстью')

осет. (ир.)

käfq^wyndar

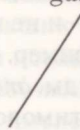
'дракон'

(букв. 'рыба, шерстью покрытая')

>>

позднеперм.

**gundzr* 'дракон'

коми

gundj̄r

'дракон,

змей'

удм.

gondj̄r

'медведь'

Примечания

¹ Через посредство коми *roč* > нен. *luca* 'русский' > эвенк. *luča* то же это слово проникло чуть ли не во все сибирские языки (вплоть до маньчж. *loča* то же и т.д.) (ССТМЯ I 513).

² Интересная попытка Х. Катца предложить прафинно-угорскую этимологию для 'волка' **čVčz*/**čVčz* на основании сопоставления фин. *susi* (ген. *suden*) 'волк' и манс. тавд. *čés*, ср.-конд. *šés* то же (Katz 1988 : 90) выглядит не бесспорной: мансийское слово трудно отделить от удм. *šés* 'хищный', а фонетический облик последнего не позволяет реконструировать финно-угорскую праформу с аффрикатами.

³ Я был неправ, когда писал, что в качестве названий «табуированных» животных используются описательные термины, а не заимствования (Napolskikh 1993 : 48).

Сокращения

вв. — верхневычегодский диалект коми языка, **вс.** — верхнесельский диалект коми языка, **вым.** — вымский диалект коми языка, **диг.** — дигорский диалект осетинского языка, **ир.** — иронский диалект осетинского языка, **л.** — лузский диалект коми языка, **нердв.** — нердвинский диалект коми-пермяцкого языка, **печ.** — печорский диалект коми языка, **ср.-конд.** — среднекондинский диалект мансийского языка, **тавд.** — тавдинский диалект мансийского языка.

Абаев — В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка I—IV, Москва—Ленинград 1958—1989; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров 1—29, Москва—Ленинград; **ССТМЯ** — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков I—II, Ленинград 1975; **ЭРВ** — Эрзянь-рузонь валкс, Москва 1993; **Fokos-Fuchs** — D. F o k o s - F u c h s, Syrjänisches Wörterbuch, Bd. I—II, Budapest 1959.

ЛИТЕРАТУРА

Лыткин В. И. 1955, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва.
Напольских В. В. 1995, Прауральский 'пуп'. — LU XXXI, 170—172.

Плесовский Ф. В. 1992, Дракон в волшебных сказках и в пермском зверином стиле. Жанр сказки в фольклоре народа коми, Сыктывкар (Труды Коми Института языка, литературы и истории 53).

Плосков И. А. 1992, *Гундыр*: наименование и образ. — LU XXVII, 106—109.

Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. 1966, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар.

Katz, H. 1988, Finnisch *tosi* < *d̄m̄tó-*? — СФУ XXIV, 90—93.

Napolskikh, V. V. 1993, Uralic Fish-Names and Original Home. — UAJb. 12, 35—57.

Rédei, K. 1971, Szófejtések — NyK 73, 416—424.

— 1986, Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten, Wien.

Wichmann, Y., Uotila, T. E. 1942, Syrjänischer Wortschatz, Helsinki.

V. V. NAPOLSKICH (Iževsk—Göttingen)

ON THE ORIGIN OF THE WORD FOR 'BEAR/DRAGON'
IN PERMIAN LANGUAGES

The Proto-Permian **gundar* (> Komi *gundjir* 'dragon', Udmurt *gondjir* 'bear') is considered a Middle-Iranian (Ancient Ossetian) loanword — cf. Ossetian *käfq^wyndar* 'dragon' (= *käf-q^wyndar*, lit. 'fish-wool-wear(ing), fish, covered by wool'). The Middle Iranian proto-form of the Permian word may be reconstructed as **gun-dar* 'dragon' (lit. 'covered by wool'). The etymologies of this Permian word suggested by other authors and some relevant problems of Permian historical linguistics are reconsidered.